

Кирилл Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Кирилл
Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Издательство
"Детская
литература"

Кирилл Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

•

*Издательство
„Детская литература“*

МОСКВА • 1969

Рисунки И. Година

ОТ АВТОРА

Я назвал эту книгу «Искатели приключений» не только потому, что ее герои искали приключений в окружающей их жизни, в прошлом и будущем, но также потому, что они научили этому и меня.

Александр Дюма открыл мне, что история — это не только скучная хронология, но живое кипение жизни. Он познакомил меня со смелыми, сильными и веселыми людьми, всегда верными своему слову и друзьям.

Жюль Верн открыл романтику и поэзию науки. Его герои, гениальные изобретатели и ученые, борцы за будущее, за свободу и счастье человечества, показали мне в отдельных чертах облик человека грядущих дней.

Роберт Луис Стивенсон всей своей жизнью показал мне силу человеческого духа, побеждающего болезнь и смерть. Он научил меня верить в то, что человека можно уничтожить, но победить его нельзя.

Артур Конан-Дойль показал мне силу человеческого ума, который тончайшим анализом самых мелких при-

мет и поступков с почти математической точностью приходит к единственно правильному решению.

Они были сверстниками и друзьями моей юности, помогали в трудные минуты, учили меня никогда не сдаваться и всегда идти вперед. Они остались моими друзьями и по сей день, и я надеюсь, что еще долгие годы они останутся сверстниками многих поколений.

ПРОТИВНИК ШЕРЛОКА ХОЛМСА

В 1954 году в Лондоне состоялась торжественная церемония: на доме № 109 по Бекер-стрит, при огромном стечении народа, была укреплена мемориальная доска, гласящая, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

Редкий литературный герой, существовавший лишь на страницах книг и в памяти читателей, удостаивался такой славы. С Шерлоком Холмсом может соперничать только мистер Пикквик, чье имя в день столетия выхода в свет знаменитого романа великого английского писателя Чарлза Диккенса было отмечено мемориальными досками на каждом трактире, где несравненный основатель Пикквикского клуба останавливался хотя бы на час, чтобы выпить кружку эля или пропустить стаканчик бренди.

Шерлок Холмс превзошел мистера Пикквика в другом: хотя и посмертно, он является основателем двух

действительно существующих, а не литературных клубов — в Англии и Соединенных Штатах.

В церемонии на Бекер-стрит приняло участие много народу: писатели, издатели, представители прессы, читатели, просто зеваки. Но не было одного человека — огромного, шумного, веселого, с длинными, воинственно закрученными вверх усами, со светло-серыми, блестящими иронией глазами: самого сэра Артура Конан-Дойля, создателя образа «великого сыщика». И не только потому, что сэр Артур (вернее, мистер Дойль) умер за четверть века до события, прославляющего его героя. Вероятно, если бы он был жив, то все равно не явился бы на празднество.

Потому что он очень не любил Шерлока Холмса.

Иногда бывает трудно написать биографию знаменитого человека — не всегда сохраняются материалы и документы о его жизни и деятельности. С писателями легче: их биография — в их книгах. Но, когда пытаешься набросать хотя бы беглый литературный портрет Конан-Дойля, встречаешься с затруднениями совсем иного рода: материалов слишком много, и, кроме того, они так извращены биографами, что до сих пор, хотя прошло больше ста лет со дня рождения Конан-Дойля, настоящей, не фальсифицированной биографии писателя пока не существует.

Шерлок Холмс, если помнят читатели, испытывал ужас перед уничтожением любых документов: нужные и ненужные бумаги накапливались по многу лет и горами лежали в каждом углу квартиры, которую он занимал вместе с доктором Ватсоном. Эту черту своего героя Конан-Дойль передал знаменитому сыщику по наследству от самого себя. Писатель умер в 1930 году, а разборка его литературного наследства закончилась только через шестнадцать лет — в 1946 году. Рукописи были собраны в одиннадцать огромных ящиков; в конверты душеприказчики сложили письма, документы, фотографии, вырезки из журналов и газет. В одном только ящике № 2 было собрано двадцать шесть больших связок рукописей, не считая нескольких десятков конвертов, маленьких ящиков, коробок и пакетов с вырезками и мелкими заметками...

Публикация этих документов до сих пор не только

не закончена, но по-настоящему и не начиналась: Семья покойного писателя лишь с гордостью сообщала, что в корреспонденции сэра Артура (его сын Адриан иначе его не называет) имеются письма короля Эдуарда VII, родственников королевы Виктории и короля Георга V, Уинстона Черчилля, премьер-министра лорда Бальфура, президентов Соединенных Штатов Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, таких писателей, как Киплинг, Уэлло, Россетти, Шоу, Мередит, Барри, Мезфилд, Хаггард. Но сами эти письма не публикуются.

Родные стыдятся подлинной биографии писателя: того, что он вырос в нищете, так как его отец бросил семью без всяких средств к существованию, что Артур еще в студенческие годы стал атеистом, что он бедствовал и после окончания университета и долго не мог найти себе работу, что он был не почтенным английским джентльменом, а шумным и непоседливым ирландцем, склонным к странным шуткам и мистификациям, что многое из опубликованного им было написано исключительно ради денег.

Боле того: в ответ на несколько биографий, появившихся после смерти писателя и основанных на материалах и воспоминаниях людей, которые его хорошо знали, Адриан Конан-Дойль (кстати сказать, он никакой не Конан-Дойль, а просто Дойль, так как «Конан» было не фамилией, а вторым именем его отца) написал книжечку «Истинный Конан-Дойль», в которой изобразил своего отца глубоко религиозным, респектабельным джентльменом и подлинным аристократом. Читая эту тоненькую зеленую с черным книжечку, никак не можешь поверить, что изображенный в ней человек мог вообще что-нибудь написать.

А сам Конан-Дойль сказал о себе: «Я человек с улицы!»

Артур Конан-Дойль был ирландцем только по происхождению, по крови. Три поколения его предков жили в Лондоне, никто не знал ирландского языка, давно была утеряна их связь с ирландской культурой. Со «старой родины», как обычно говорилось в доме, они получили в наследство лишь великолепный юмор (вспомним, что самыми остроумными английскими писателями последнего столетия были ирландцы по крови Бернард Шоу

и Оскар Уайльд). Католическая религия, которой они придерживались по традиции, была протестом против угнетения Джоном Буллем «Другого острова» и была большой помехой при любой административной карьере. Но на область искусства это не распространялось, поэтому так много ирландцев в английской литературе.

Дед писателя Джон Дойль считался в начале прошлого века «королем политических карикатуристов» Лондона. Он был похож на молодого герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо, бывшего в те годы премьер-министром. Среди художников Джон Дойль был известен под прозвищем «лорд Джон» или «генерал-губернатор». И хотя в семейных хрониках, не всегда достойных доверия, род Дойлей происходит из ирландского дворянства (джентри, как его называют по-английски) и его якобы можно проследить до первой половины четырнадцатого века, вернее всего, именно «лорда Джона» Дойля можно считать подлинным родоначальником семьи, представленной четырьмя именами в Английском биографическом словаре, в том числе одним из самых знаменитых — Артуром Конан-Дойлем.

Из трех сыновей Джона Дойля старший, Ричард («Дикки Дойль»), был ведущим художником знаменитого сатирического еженедельника «Панч», второй сын тоже был известным карикатуристом. Третий — Чарлз Альтамонт Дойль, отец писателя, — оказался неудачником. Архитектор по профессии, художник-акварелист по пристрастию, он работал в Эдинбурге, куда его забросила судьба (и нужда), старшим клерком в шотландском «Управлении работ».

Это был человек очень «артистического вида», как говорят в Англии. Он презирал вульгарные сюртуки и одевался, как настоящий художник, в куртку из тяжелой шотландской шерсти. У него была красивая каштановая шелковистая борода, вьющиеся волосы и легкомысленный характер. В Эдинбурге он женился на семнадцатилетней Мэри Фоли из очень бедной ирландской католической семьи, маленькой сероглазой женщине с чудесными волосами, разделенными ровным прямым пробором. Она казалась такой хрупкой, словно «ее мог сдуть порыв ветра», но в этом маленьком теле обитал гордый и строптивый дух фанатичной католички, а в хорошенькой головке

бродили странные фантазии относительно древности ее рода и места ее сына в самом высшем аристократическом обществе.

Ее страстью была геральдика.

Артур родился в Эдинбурге на площади Пикардилейс 22 мая 1859 года. С первого же дня своего появления на свет и на всю жизнь он стал любимцем матери.

Эдинбург в те годы был городом Стивенсона, который был всего на девять лет старше Конан-Дойля. Но если для Луиса, коренного шотландца, этот город был олицетворением его юности и счастья, а эдинбургский замок с его развевающимся флагом — центром воспоминаний и снов, то для Артура это был скучный «Аулд Рики», как его называют горожане, полный дыма и восточного ветра, орошаемый монотонным дождем.

Мальчик еще не научился читать, когда мать стала проводить с ним длительные беседы о гербах и геральдических символах:

— Ну скажи, Артур, какие гербовые поля ты знаешь?

— Горностай, противогорностай, белка и противобелка.

— Хорошо. Расскажи теперь, как называются эти два креста.

— Это полый крест, а это вилообразный...

Отец с изумлением прислушивался к этой беседе; очень скоро ему становилось тоскливо, он незаметно исчезал и уходил в свою веселую компанию, где чувствовал себя так привольно. А мать и сын продолжали беседу:

— Теперь поговорим о щитодержателях... Какая это фигура?

— Лев, мама.

— Что ты, милый! Львом называется фигура, смотрящая в профиль и стоящая на задних лапах. Во всех остальных случаях это будет леопард. И запомни, что фигура на щите может иметь только семь положений, а геральдические кресты имеют двести форм... И никогда не забывай, — всегда добавляла она в конце беседы, — что я происхожу от Плантагенетов, английских королей. Наша семья — потомки младшей линии лордов Перси, переселившихся в Ирландию!

Бедная добрая женщина! Гордость не позволяла ей

вспомнить английскую поговорку: «Все без исключения ирландцы происходят от королей».

Мальчик, широко раскрыв глаза, мог часами слушать рассказы матери о Столетней войне между Англией и Францией, о битве при Креси, где англичане, имея в строю четыре тысячи тяжеловооруженных рыцарей и десять тысяч лучников, нанесли жестокое поражение французам, в войске которых было восемь тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехоты. Закрыв глаза, он на память мог перечислить гербы на щитах и цвет знамен. Французские воины были вооружены арбалетами. Английские лучники поражали их одного за другим, так как пускали стрелы вчетверо быстрее. И героем этой битвы был Черный принц, шедший во главе первой линии английских рыцарей, которому тогда было всего лишь пятнадцать лет...

Когда Артур стал читать самостоятельно, он на короткое время увлекся Майн Ридом, романтикой индейцев и бизонов. Но вскоре снова вернулся к историческим романам, которым не изменял всю жизнь. В эти годы стала надолго его любимой книга «Айвенго» сэра Вальтера Скотта.

Девяти лет он был отправлен в закрытую подготовительную школу Ходдера в Стонихарсте вблизи Эдинбурга, которая была основана и содержалась на средства ордена иезуитов.

Одетые во все черное отцы-иезуиты были руководителями, наставниками и учителями. В школе изучались латинский и греческий языки, геометрия и алгебра. «Но должен сказать правду,— признавался позже писатель,— мои греческий и латинский очень мало пригодились мне в жизни, а математика оказалась совсем ненужной». Гораздо большее значение в его жизни сыграли прекрасное знание французского языка, любовь к которому привила ему мать, и Жюль Верн, ставший в школьные годы его кумиром.

Очень худой, со спокойными манерами, со странной скрытой улыбкой, мальчик был на хорошем счету у отцов-иезуитов. Замкнутость и даже скрытность считались одной из главных добродетелей учеников. Но на самом деле он тайно писал пародии в стихах на учителей, читал при свечах до рассвета Вальтера Скотта или, поднимая

соседей по дортуару, которые, завернувшись в простыни, рассаживались на кроватях вокруг него, рассказывал им ужасные истории, всегда прерывавшиеся на самом интересном месте...

Шестнадцати лет он покинул школу, чтобы посвятить себя католической церкви и братству иезуитов и, по желанию матери, принять священнический сан.

В награду за успешное окончание школы он совершил увеселительное путешествие в Австрию, в курортный городок Фельдкирхе. По дороге он остановился в Лондоне, который понравился ему не больше, чем Эдинбург. В Австрии он гулял в горах, катался на тоббогане, играл в футбол, много танцевал — в юности он был страстным и неутомимым танцором — и «пил настоящее пиво». Лето 1876 года он провел в Париже, который его очаровал.

Возвратившись домой, он был поражен как громом: никакого отца не было и в помине и никто не хотел о нем говорить. Благопристойная бедность сменилась жестокой нищетой. Сестра для заработка вынуждена была отправиться за море, в Португалию. Нечего было и думать о какой-то церковной карьере: нужно было спасать семью.

Артур, человек молодой и очень сильный, хотел пойти работать грузчиком угля или перевозчиком мебели, но открылась другая возможность: в Эдинбургском университете, на медицинском факультете, имелась стипендия в семь фунтов в месяц. Сумма показалась Артуру огромной: на нее можно было содержать семью. Он был убежден, что получит ее: школьный диплом высшего разряда и огромная работоспособность позволяли ему рассчитывать на это. Так, совершенно случайно, Конан-Дойль избрал своей профессией медицину.

Эдинбургский университет оказал сильное влияние на личность Конан-Дойля и познакомил его с жизнью, которую он знал только по книгам. Люди, с которыми он здесь встретился, очень часто, хотя и в преображенном виде, позже появляются на страницах его книг. Здесь получил он вкус к естественным наукам; в аудиториях университета он стал атеистом, так как понял, что невозможно сочетать науку его времени с почти средневековыми воззрениями его матери.

И, однако, он не потерял интереса к истории. Только список его любимых книг расширился. Больше всего он полюбил самую романтическую книгу Теккерея «История Генри Эсмонда», где XVII век оживает в каждом персонаже и в каждой фразе, роман Джорджа Мерседита «Ричард Феверель», романтическое исследование Вашингтона Ирвинга «Завоевание Гранады». Он не мог не увлечься историческими очерками Маколея, быть может, и неглубокими с точки зрения науки, но литературно блестящими.

Было бы совершенно естественно, если бы юноша с такими наклонностями сам взялся за перо. Однако он сделал это не раньше, чем получил врачебную практику и ученую степень доктора медицины, — семья рассчитывала на его заработок.

Так, во всяком случае, гласит официальная версия, но на самом деле было другое. Ему нужно было узнать жизнь, узнать людей: ведь без знания современности нельзя написать хороший исторический роман.

Одним из самых известных профессоров Эдинбургского университета в эти годы был доктор Джозеф Белл — худой человек с ястребиным профилем и высоким пронзительным голосом. Он любил учить студентов тому, чего не было в университетской программе: наблюдательности.

— Пациенты, — говорил он, — не всегда правдивы, а иногда просто забывчивы. Нужно уметь по мельчайшим подробностям: по выражению лица, по блеску глаз, по форме рук и пальцев, по пятнам на одежде и обуви — читать их биографию и мысли... Что вы думаете об этом человеке, что идет по улице? — спрашивал он, подводя группу студентов к окну.

Студенты нерешительно топтались на месте.

— Бывший солдат, — наконец неуверенно говорил Коман-Дойль.

— Да, вы правы: видите, как он рыскаживает. Но это не просто рядовой, это сержант. По его осанке видно, что он привык не только исполнять, но и приказывать.

Студенты молчали.

— Ну, я могу добавить, что он служил в Индии: видите этот сильный, специфический загар, резко кончающийся на середине лба, где проходит козырек фуражки?

Это говорит о том, что он недавно в отставке, так как загар еще не успел сойти.

— Мне кажется, что у него есть ребенок, — робко вставлял Конан-Дойль. — У него в руках игрушки.

— Несколько детей, дорогой мой. Одному и тому же ребенку не дарят одновременно погремушку, деревянного коня и мелкокалиберное ружье...

Конан-Дойль стал лучшим учеником профессора Белла: он был поразительно наблюдательным человеком.

Занятия у Белла заставили Конан-Дойля заинтересоваться замечательным американским писателем Эдгаром По. Но внимание молодого студента привлекли не те произведения По, где тот наиболее ярко выражает себя мастером мрачного и ужасного, но три рассказа, в которых, как в маленьком желуде, содержится огромный дуб детективной литературы: «Украденное письмо», «Тайна Марии Роже» и «Убийство на улице Морг». Ему также нравился рассказ «Золотой жук», где впервые в литературе были показаны методы разгадки шифров и криптограмм.

Особенно его заинтересовал образ сыщика-любителя Дюпена. Он расшифровывал тайны и преступления методом дедукции, методом анализа едва уловимых мелочей. Это очень напоминало метод доктора Белла, но было направлено не на изучение личности пациента или исследование его прошлого, а на раскрытие преступлений.

Второй профессор, который пользовался популярностью в среде студентов (но отнюдь не в среде докторов университета), был Резерфорд. Он не признавал никаких авторитетов и любил выдвигать столь парадоксальные идеи, что слушатели (или оппоненты) не могли сразу разобраться, что это: новая теория, мистификация или, выражаясь современным языком, научное хулиганство.

Его ассирийская борода, словно приклеенная к его квадратному подбородку, презрительные, полуприкрытые веками глаза были знакомы всему университету. Он обычно начинал лекцию еще в коридоре, не входя в аудиторию. Но особенную радость доставляла студентам его постоянная полемика с профессором Вайвиллом,

зоологом, участником знаменитой экспедиции «Челленджера», научно-исследовательского корабля, занимавшегося океанографическими исследованиями на всех океанах земного шара. Вайвилл, с козлиной седой бородой, со скрипучим голосом, был умницей, но педантом, и его научные споры с безобразником Резерфордом доставляли студентам истинно художественное наслаждение.

Сам Конан-Дойль в годы пребывания в университете, кроме науки и танцев, страстно увлекался спортом; — он вообще был очень увлекающимся человеком. Он играл центральным нападающим в футбольной команде своего университета и любил регби, игру, которую знатоки считают одним из самых жестоких видов спорта. В эти годы он весил сто два килограмма, а его рост лишь немного не достигал двух метров. У него были веселые серые глаза и рыжеватые волосы. Он умел заразительно и шумно веселиться, но умел быть и утонченно вежливым, особенно с женщинами. Это было возрождением средневековой куртуазии, науки о придворном поведении, которую он позже изобразил в своих исторических романах.

Словом, Конан-Дойль был блестящим студентом.

Очень скоро приблизилось время окончания университета. Но для того чтобы получить заветную ученую степень доктора медицины, нужна была практика и защита диссертации. Защиты юноша не боялся, но практика? Чтобы ее получить в Англии в те годы, было два пути. Первый — купить ее, то есть заплатить хорошую сумму врачу, уходящему на покой, за то, чтобы он передал ему своих пациентов. Но для этого требовались деньги, и не малые, а их у Конан-Дойля не было. Второй путь — приехать в совсем незнакомый город и начать конкурировать с известными жителям врачами. Но какой больной пойдет к молодому врачу, только что приехавшему в город, вместо того чтобы обратиться к известным специалистам? Нужны были многие годы, чтобы завоевать популярность, а ведь на его руках была семья!..

Конан-Дойль пытался найти работу сначала в Шеффилде, потом в Лондоне. Поиски работы заключались в том, что, приехав в город, он должен был нанять квартиру, оборудовать кабинет, заказать медную дощечку на

дверь и ждать. Но пациенты не приходили. И, отвинтив дощечку и положив ее в чемодан, молодой врач снова пулся в путь.

Однажды, проходя по Трафальгарской площади, будущий знаменитый писатель позавидовал гвардейцу в красном мундире и огромной медвежьей шапке, стоящему на страже у памятника Нельсону. Он уже получил свой «королевский шиллинг», ему вручили эту символическую награду от имени королевы, когда он завербовывался в армию, подумал он, и теперь его будущее обеспечено, он может не думать ни о чем: жалование и содержание, пока он в армии, и половинный оклад после отставки...

Он пытался даже предложить свои услуги турецкому правительству, но в турецком посольстве ему вежливо отказали: им тоже не был нужен врач, не имеющий никакого жизненного опыта.

Четыре месяца он пытался достигнуть успеха в крохотном городке Рюйтоне в графстве Шропшир и тоже безуспешно. Единственное, чем он мог гордиться,— у него появился первый пациент. Но и это было курьезом: вместо того чтобы заплатить гонорар, пациент потребовал от молодого врача шиллинг за тот ущерб, который Конан-Дойль причинил ему своей операцией.

Наконец он получил практику в Астоне, рабочем пригороде большого промышленного города Бирмингама. Она приносила ему два фунта в месяц — почти вчетверо меньше, чем его ничтожная студенческая стипендия. И все же это была настоящая практика — шаг к заветной докторской степени!

В Бирмингеме Конан-Дойль написал свой первый рассказ «Тайна Сассасской долины». Он отослал его в редакцию одного из лондонских журналов, и каково же было его изумление, когда в ответ он получил чек на три фунта три шиллинга!

Грошовая практика в Бирмингеме не могла удовлетворить даже самых скромных потребностей молодого врача и его все еще бедствующей семьи. Поэтому Конан-Дойль с восторгом принял предложение занять должность судового врача на маленьком судне «Хоуп», отправляющемся в арктическое плавание: ведь содержание врача на корабле было бесплатным, а пятьдесят

фунтов стерлингов, которые он получит за семимесячный рейс, целиком пойдут его матери!

Работы на корабле не было никакой, и молодой врач мог сколько угодно размышлять и писать. Перед его глазами проходили ослепительно белые ледники Гренландии, сползающие в нестерпимо синюю воду, берега Шпицбергена.

И хотя ветер завывал в снастях, тяжелые волны тяжело бились о борта маленького кораблика, и время от времени на палубе раздавался топот ног команды, Конан-Дойлю казалось, что никогда он не испытывал такого покоя и тишины...

Море было той колыбелью, где созрел талант будущего писателя. Среди суеты медицинской практики, ночных вызовов к больным, в постоянной неуверенности в своих диагнозах сосредоточиться было очень трудно. А здесь, в океане, все звало к длительному раздумью. Поэтому после окончания арктического рейса Конан-Дойль охотно принял предложенное ему место судового врача на торговом судне «Майюмба», совершающем постоянные рейсы вдоль берегов Западной Африки.

Совсем новый мир открылся в этот год перед Конан-Дойлем. Под опаляющим солнцем появлялись и исчезали незнакомые берега, то поросшие пальмами, то уходящие в воду мангровыми рощами. Полуголые африканцы, не страшась жары, невыносимой для человека, выросшего в Эдинбурге, разгружали и нагружали судно. В океане прыгали дельфины, из волн выпархивали летучие рыбы. А однажды в высоте проплыл альбатрос. Артуру все это казалось сном...

Возвратившись домой, Конан-Дойль нашел письмо от своего старого университетского товарища Джорджа Бадда.

Это был странный человек. Рыжеволосый, с квадратной головой и широкими плечами, с уродливым лицом, похожим на морду бульдога, на котором хитро поблескивали маленькие голубые глазки, — он был полугением и полуманьяком. Конан-Дойль очень им интересовался, и во многих его книгах, во многих героях мы можем найти отдельные черты Бадда.

Бадд писал, что, попав в Плимут, имел там чрезвычайный успех и практика его так расширилась, что он

не может с ней справиться. Он предлагал Конан-Дойлю переехать в Плимут и обещал ему, как товарищу, безвозмездно передать половину своих пациентов.

Для Конан-Дойля это было находкой. Получить уже готовую практику даром! Он немедленно отправился в Плимут, и вскоре на двери квартиры, в которой они поселились вдвоем, красовались рядом две таблички. На одной было написано «Джордж Бадд», на другой — «Артур Конан-Дойль».

Увы, это было роковой ошибкой! Пациенты, прослышавшие о популярном в городе враче, подходили к двери и останавливались в недоумении. Что означали эти дощечки? С подобным они никогда не встречались! И после недолгого раздумья поворачивались и шли к тем врачам, о которых знали с детства.

Получилось обратное тому, чего хотели друзья. Вместо того чтобы помочь Конан-Дойлю, Бадд растерял собственную практику. И друзья по обоюдному соглашению расстались.

Конан-Дойль надолго осел в маленьком приморском городке Саутси. Здесь он провел восемь лет — с 1882 по 1890 год. Это были счастливые годы его жизни. У него была большая практика, и его очень любили пациенты. Здесь он подготовил диссертацию на ученую степень доктора медицины, которую защитил в 1885 году. В том же году он женился на Луизе Хаукинс, здесь родился его первый сын.

В Саутси Конан-Дойль все свободное время отдавал литературе. Любопытно, что он нашел путь к сердцам читателей без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и платили автору гроши. Издатели удивлялись, получая от книжных магазинов все новые и новые заказы на книги Конан-Дойля. Они не понимали, что он создал новый жанр, которого так жадно ждали читатели!..

В 1890 году состоялось торжественное прощание доктора Конан-Дойля со своими пациентами. Он стал профессиональным писателем: ведь у него за спиной было четыре опубликованные книги, разошедшиеся большими тиражами.

Артуру Конан-Дойлю в этот день исполнилось тридцать лет...

...Биографии писателей бывают разными: иные бурными, иные спокойными. Биография Конан-Дойля после 1890 года почти целиком растворяется в его книгах.

Конечно, он продолжал заниматься спортом, и даже больше, чем раньше: он принадлежал к числу людей, словно созданных для спорта. Он был центральным нападающим в футбольной команде графства Серрей; летом ездил в Швейцарию, чтобы покататься на коньках, и в Норвегию — походить на лыжах. Он увлекался боксом, играл в хоккей, крикет и гольф. Велосипедистом он стал еще в эпоху велосипедов без передачи, с огромным передним колесом. Он занимался парусным спортом. И даже семидесяти лет на гоночной автомашине, сделанной по специальному заказу, как буря носился по тихим дорогам Южной и Восточной Англии.

Но лучше всего он чувствовал себя в своем кабинете — традиционном кабинете английского загородного дома с камином, над которым висела оленья голова с ветвистыми рогами, а перед огнем на полу была распростерта медвежья шкура. Только тогда, когда на его маленьком письменном столике лежала начатая рукопись, он был по-настоящему счастлив.

Первая книга Конан-Дойля «Этюд в алых тонах» (в русских переводах она именовалась «Красным по белому», или «Мормоны в Лондоне») посвящена Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону, их первому знакомству и первым приключениям.

Все книги этой серии не имеют ничего общего с уголовными романами Габорио или Понсон дю Террайля. Это не книги о преступлениях и преступниках, а повествования о приключениях человеческой мысли, раскрывающей преступления.

Английское слово «детекшн» означает по-русски открытие, обнаружение. Три рассказа Эдгара По о Дюпене и рассказ «Золотой жук» — только гениальные блески, предвидение этого жанра. Подлинным создателем детективной литературы, получившей столь широкое распространение в Западной Европе и Америке, был Артур Конан-Дойль.

Своеобразие жанра, созданного Конан-Дойлем, заключается в том, что в центре каждого произведения,

где Шерлок Холмс является героем, находится не само преступление, а тончайший анализ обстановки и свойств человеческого характера, торжество того логического исследования, которое, опираясь на ничтожное количество фактов, почти с математической точностью приводит к единственно правильному решению.

В эпоху старомодных лондонских кебов, где кучер сидел позади седока, когда не было ни телефонов, ни авиации и даже паровые машины были редкостью, Шерлок Холмс широко использовал в своей профессии научные методы — все то, что в наши дни стало основой современной криминалистики.

Своеобразием Шерлока Холмса является также то, что он, сыщик-любитель, противопоставляется представителям государства, бездарным полицейским чиновникам Лестраду и Грегсону. Шерлок Холмс — это торжество артистизма и таланта над слепой, все нивелирующей буржуазной государственной машиной.

Все это определило успех нового для литературы героя и принесло его создателю всемирную славу.

Но напрасно читатели так серьезно воспринимали Шерлока Холмса: сам Конан-Дойль относился к нему с большой иронией.

Об этом говорит хотя бы образ доктора Ватсона. Подобного дурака трудно найти в литературе. Конечно, он нужен автору как оселок, на котором оттачивается лезвие ума Холмса. Но иногда поведение Ватсона выглядит как пародия.

Конечно, сам Конан-Дойль — не Ватсон, как думают некоторые, а скорее Шерлок Холмс: недаром к писателю не раз обращались лондонская полиция, египетское и китайское правительства с просьбой помочь в расследовании сложных и запутанных преступлений, и не раз блестящая интуиция и замечательное воображение Конан-Дойля помогали ему разрешить самые головоломные загадки.

Однако писатель любил «играть в Ватсона». Сохранилась запись одного из таких разговоров:

— Скажите, не является ли Арнольд Люм сыном сэра Генри Люма?

— Да.

— А вы брат Арнольда Люма?

— Да.

После долгого размышления:

— Тогда вы тоже сын сэра Генри Люма?

Шли годы, и Конан-Дойль чувствовал к Шерлоку Холмсу все большую и большую антипатию. Он все чаще заставлял его ползать по земле, погружаться в облака сигарного дыма и играть на скрипке. Холмс становился все глупее, пока не выяснилось, что он даже не знает о шарообразности Земли. Наконец антипатия превратилась в прямую ненависть, и писатель уничтожил своего героя, сбросив его со скалы во время смертельной схватки с королем преступников профессором Мориэрти.

Но читатели и издатели требовали: еще, еще Шерлока Холмса! И писатель воскрешал и вновь умерщвлял своего героя, и все больше иронии появлялось в его рассказах, иногда прямо превращающихся в пародию.

Разгадка была простой. За рассказы о Шерлоке Холмсе Конан-Дойль получал по десять шиллингов за слово. За исторические романы ему платили по шиллингу за слово. Вот почему он так ненавидел своего героя и в то же время воскрешал его и продолжал сочинять все новые его приключения. Достаточно было написать: «Великий сыщик сидел на диване», и гонорар за эту фразу превысил бы месячный заработок в годы его врачебной практики в Бирмингеме!

В общей сложности Конан-Дойль посвятил Шерлоку Холмсу девять книг: четыре романа и пять сборников рассказов — всего пятьдесят шесть рассказов. Он возвращался к нему на протяжении сорока лет. Первая книга, «Этюд в алых тонах», вышла в свет в 1887 году, заключительная, «Его последний поклон», — в 1927.

Сам Артур Конан-Дойль выше всего ценил свои исторические романы. В этом есть доля справедливости, потому что «Белый отряд» бесспорно является лучшим произведением в его литературном наследии.

В этом большом романе писатель обратился к любимой им исторической эпохе Столетней войны (1337—1453). Англичане захватили три четверти Франции; в трех великих битвах — при Креси, при Пуатье, где французский король Иоанн Добрый был захвачен в плен простым английским лучником, и при Ажанкуре — они

одержали решительную победу, несмотря на численный перевес французских войск. И все же окончательная победа досталась французам. Произошло это потому, что из феодальной война превратилась в народную. Весь французский народ поднялся на защиту своей независимости. Парижское восстание и народное движение Жакерия принудили французское правительство, склонное к капитуляции, продолжать войну, пока наконец французские войска под руководством Жанны д'Арк не одержали решительную победу и не изгнали англичан со своей земли.

Превосходное знание французского языка позволило Конан-Дойлю в романе опираться не только на общие труды об этой эпохе на английском или даже на французском языке. В книгу органически вошли средневековые хроники Фруассара, редкие документы и дневники участников войны.

Нет, это нисколько не походило на романтические истории, которые мать юного Артура рассказывала в былые дни. Это было очень трезвое, очень реалистическое описание эпохи, со скрупулезной точностью восстанавливающее быт и нравы людей.

Три главных героя романа — рыцарь сэра Нигел Лоринг, его оруженосец Аллен и стрелок Самкин Эльвард — отнюдь не нарисованы ни золотой, ни розовой краской. Сэр Нигел, «рыцарь без страха и упрека», небольшого роста, плешивый, так как тяжелый шлем за много лет вытер ему волосы на макушке, подслеповатый — глаза ему повредили горячей смолой во время осады одной крепости. Он храбрый и умный военачальник, жестокий к своим врагам, утонченно вежливый с женщинами, к какому бы сословию они ни принадлежали, и бесконечно преданный леди Лоринг, своей жене, женщине выше его на голову, с грубым мужским голосом, способной оборонить в отсутствии мужа свой обнищавший и ветхий замок в случае нападения.

Стрелок Самкин Эльвард отправляется на войну совсем не для того, чтобы защитить претензии английских королей на французскую корону или отстоять Нидерланды. Он хочет лишь нажиться на войне, вернуться домой с богатыми трофеями. И воевать он хочет комфортно: за ним по пятам следует слуга, несущий огром-

ную перину, а сам Эльвард в каждом трактире прежде всего целует трактирщицу, называет ее «малышкой» и требует самых изысканных кушаний, так как за все платит полноценным французским золотом...

Средневековые рыцари были не очень-то большими грамотеями. Умение читать и писать было уделом монахов. Знатные воины считали это занятие баловством и скоропреходящей модой. Зато они полагали, что геральдика, умение читать рисунки на гербах, является чем-то непреходящим и вечным. Конан-Дойль, знаток геральдики, показал стиль эпохи с большой силой.

Так в романе «Белый отряд» средневековые показано с двух сторон: с лицевой и с изнанки. Подвиги и красота боя, убийства и грабежи, обогащение Англии, обнищание и опустошение Франции, задержавшие ее экономическое развитие на многие годы...

Вторым большим историческим романом Конан-Дойля, написанным несколько раньше, но относящимся к более поздней эпохе, является «Майка Кларк».

Весь XVII век был в Англии веком жестоких битв между католиками и протестантами. Но под этой религиозной оболочкой скрывались вполне земные отношения. Дело протестантизма отстаивали свободные крестьяне — йомены по-английски — и ремесленники, дело католицизма — защитники феодальных отношений, ставших к тому времени уже пережитком.

После смерти короля Карла Второго, занимавшего промежуточную позицию, на английский трон вступил его брат Яков Второй, ярый католик, или папист, как говорят англичане. Но в стране в эти годы жило немало ветеранов Великой английской революции, солдат армии Кромвеля. Они-то и подняли бунт, во главе которого стал герцог Монмаут, побочный сын короля Карла.

В романе очень сильно обрисованы образы молодого пуританина Майки Кларка (Майка — английское произношение имени библейского пророка Михея), его сурового отца, ветерана кромвелевской армии «железнобоких», слабохарактерного, но честолюбивого Монмаута и многих других участников восстания.

Гораздо более слабы романы наполеоновского цикла. Наполеоновская легенда, широко распространившаяся в те годы во Франции, когда за право восстановления

в стране монархии боролись три партии: бонапартистов, легитимистов и орлеанистов, — невольно заразила Конан-Дойля, всегда преданного блистательной французской культуре. Наполеон в его произведениях этого цикла — не наследник завоеваний французской революции и в то же самое время жестокий тиран, но великий государь и полководец, гроза и милость Европы.

Из этого цикла остались жить лишь три книги, героем которых является великолепный хвастун, враль и забияка, умный и смелый наполеоновский офицер, бригадир Жерар. Ключом к этим произведениям является та сильная и смелая ирония, с которой автор относится к своему герою.

К концу века Конан-Дойль стал самым знаменитым историческим писателем. Поэтому именно к нему обратились наследники Роберта Луиса Стивенсона. Они хотели, чтобы «белое перо Конан-Дойля», как назвал его перо Стивенсон, очень ценивший «Белый отряд» и читавший вслух рассказы о Шерлоке Холмсе жителям острова Самоа, дописало незаконченный роман Стивенсона «Сент-Ив».

Но Конан-Дойль отказался. Он не считал себя достойным соревноваться с таким писателем, как Стивенсон. Кроме того, страна звала его к исполнению долга на поле боя.

Одним из переломных этапов биографии Конан-Дойля была бурская война.

Как только начались первые сражения, писатель вспомнил, что он не только воспитатель человеческих душ, но и врачеватель страждущих тел. Поэтому, бросив все свои литературные дела и замыслы, он немедленно отплыл в Южную Африку.

Это было тяжелое время; война велась жестокая и несправедливая, но Конан-Дойль видел людей, которые страдали: раненые и больные соотечественники и их противники. А он был гуманистом и врачом.

Госпиталь, им основанный, проделал во фронтовой полосе огромную работу. И поэтому вся Англия по окончании войны приветствовала награждение Артура Конан-Дойля рыцарским званием.

Английские рыцарские ордена являются средневековым пережитком, непохожим на орденские награждения

в других странах. В Англии считается, что орден — это не награда, а сообщество людей, борющихся за общее дело. Конечно, на самом деле это фикция, но англичане любят старину, поэтому для каждого ордена существуют средневековые орденские одежды и обряды. В наши дни от всего этого осталось лишь право на титул «сэр», которым именовались средневековые рыцари, ставящий-ся не перед фамилией рыцаря, а перед его именем.

Таким образом врач и писатель Конан-Дойль стал сэром Артуром Конан-Дойлем. Орден, к которому он был «присоединен», назывался орденом святого Иоанна Иерусалимского. Сэр Артур очень гордился своим титулом: орден был наследником средневекового ордена госпитальеров и это сближало автора с его героями. Не без основания Конан-Дойль полагал, что высокая награда вызвана не только его врачебной работой в Южной Африке, но и всей его литературной деятельностью.

Конан-Дойлем написано немало самых разнообразных рассказов, которые он сам определял, как «ужасные», «таинственные», «медицинские», «военные», «морские», «рассказы о ринге», но все их объединяет одно: превосходно завязанный и развязанный сюжет и смелые, предприимчивые и благородные герои.

Особое место в творчестве Конан-Дойля занимают его фантастические произведения.

Писатель обратился к этому жанру очень поздно — уже сложившимся мастером. Но и здесь он сделал немало: десять рассказов, шесть романов и повестей — вот итог его работы в области научно-фантастической литературы.

Конан-Дойль писал эти произведения уже в то время, когда были написаны лучшие вещи Герберта Уэллса, когда была закончена работа великого труженика Жюль Верна. Но Конан-Дойль не пошел за своими знаменитыми предшественниками. Он сумел найти собственный путь.

В фантастических романах и рассказах Конан-Дойля нет смелых технических прогнозов, широких картин будущего; в них не затрагиваются жгучие социальные проблемы, которые так волновали и Жюль Верна и Уэллса.

Оживающие мумии, таинственные чудовища, населяющие стратосферу и недра земли, воздушный велосипед, уносящий труп своего изобретателя, ядовитая зона мирового пространства, в которую попадает наша планета, потомки обитателей Атлантиды, живущие на дне океана,— во всем этом очень мало подлинной науки, это не более чем игра ума. Но не наука в ее фантастическом развитии интересовала писателя. Зоркий наблюдатель, получивший серьезное научное образование, Конан-Дойль не мог не понимать, что в его время романтика рыцарских подвигов, путешествий и морских приключений уступает место романтике современной науки, открывающей совсем рядом с нами новые, фантастические миры.

Фантастические произведения Конан-Дойля — это разновидность приключенческого жанра, где фантастическое допущение — только литературный прием. Главное в них — новые герои, которые и в приключенческих произведениях идут на смену старым: ученые-открыватели, сменяющие искателей приключений «классического» авантюрного жанра.

Из произведений этого нового типа наиболее характерен и интересен роман Конан-Дойля «Затерянный мир».

Кучка допотопных чудовищ и первобытных обезьянолюдей, каким-то чудом сохранившихся до наших дней,— об этом написано очень много фантастических произведений. Но лучшее из них, бесспорно,— роман «Затерянный мир». И дело здесь не только в блестящей фантазии и научной добросовестности автора, главное — в великолепно выписанных образах героев.

Образ профессора Челленджера, самодовольного и самоуверенного, презрительно относящегося к своим коллегам крупного ученого, — одна из больших литературных удач Конан-Дойля. Достойными его товарищами являются ученый-педант профессор Саммерли, аристократ и искатель приключений лорд Джон Рокстон, молодой предприимчивый репортер Мелоун. Конан-Дойль признавался, что прототипом Челленджера был профессор Эдинбургского университета Резерфорд.

Прототипы остальных героев тоже были найдены

писателем в окружающей его жизни. И жизненность этих образов делает необыкновенно достоверными и убедительными их приключения в дебрях Южной Америки — достоверными до такой степени, что немало путешественников после выхода в свет этой книги поднимались по Амазонке, чтобы своими глазами взглянуть на таинственный затерянный мир, в реальность которого они поверили, плененные образами и картинами этого увлекательного романа.

Но чем же эти герои отличаются от героев «классической» приключенческой литературы — смелых охотников, лихих капитанов, неугомонных путешественников, хитроумных сыщиков? Что роднит между собой так непохожих друг на друга Челленджера, Саммерли, Рокстона, Мелуона?

Не корысть движет ими, они не ищут дешевой славы завоевателя, покорителя мирных народов. Им не чужда благородная гордость первооткрывателя, но подвиг они совершают ради науки. И когда по традиции приключенческого жанра они находят сокровище — россыпь алмазов, то огромное богатство они не собираются использовать в своих интересах, а готовы отдать его для пользы той же науки.

«— Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч? — спрашивает лорд Джон Рокстон.

— Если вы действительно настаиваете на своем великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато...»

«Открытие Рафлза Хоу», второй фантастический роман Конан-Дойля, — книга о гениальном изобретателе-одиночке, замкнутом мечтателе. Осуществление мечты алхимиков о превращении простых металлов в золото для писателя не научная проблема, а всего лишь занимательная выдумка, уводящая читателя из скучной англий-

ской провинции в сказочную страну необыкновенных возможностей, какие наука дает в руки современному человеку. Но главное для автора — моральные проблемы, тесно связанные с проблемами социальными.

— Нужно ли огромное богатство одному человеку? — спрашивает Конан-Дойль.

В чудесном доме-музее, где собраны сокровища всех стран, хозяин занимает маленькую комнатку, обстановка которой состоит из железной кровати, простого стола и табурета. Изобретатель сохранил свое открытие в тайне не для личного обогащения, а для того чтобы стать благодетелем мира: помогать бедным, давать работу тем, кто в ней нуждается, и пищу голодным. Но при первом же столкновении с окружающим миром эти наивные мечты терпят крушение: не под силу одному человеку изменить социальный строй мира. Это понимает не только герой, но и сам Конан-Дойль. И великое изобретение гибнет вместе с самим ученым.

«Маракотова бездна» — последнее произведение Конан-Дойля: оно написано всего за год до смерти. Уставшая рука писателя уже не смогла наделить его такими красками, как «Затерянный мир», и неистовый доктор Маракот — только бледная тень профессора Челленджера. И хотя до самого конца писателю оставалась верна его блестящая и неистощимая фантазия, у него уже не хватило сил на глубокую разработку темы, чтобы создать поистине живых героев и сделать эту повесть столь же увлекательной, как и «Затерянный мир».

Как это часто бывает, успех литературного героя, а особенно такого яркого, как профессор Челленджер, подал автору мысль продолжить рассказ о его приключениях.

Но все другие произведения, где героем является профессор Челленджер, гораздо слабее «Затерянного мира». Таковы роман «Отравленный пояс», в котором Земля попадает в зону ядовитого эфира и все человечество засыпает, за исключением Челленджера и его друзей, «Когда Земля вскрикнула» — повесть, в которой Челленджер открывает, что Земля является живым существом, чем-то вроде чудовищного морского ежа. Наиболее слаба повесть «Страна тумана», где Челленд-

жер становится медиумом и путешествует по миру призраков.

Длительное увлечение Конан-Дойля спиритизмом и оккультными науками пока еще не получило внятного объяснения в трудах его старательных и трудолюбивых биографов.

В те годы многие крупные ученые, такие, например, как Вильям Крукс, Оливер Лодж и Камилл Фламмарин, интересовались спиритизмом. Он казался им совсем новым явлением, неизвестным науке, которое требует серьезного исследования. Ведь открытые в то время радиоактивность и лучи Рентгена тоже казались таинственными.

Сэр Артур был человеком глубоко верующим, утверждает его сын Адриан, и нуждался не в простом исполнении обрядов католической церкви, а в более глубоко утверждении своей веры.

Писатель был человеком детски доверчивым и простодушным, утверждают другие, к тому же щедрым. Поэтому он легко делался жертвой всякого рода медиумов и «волшебников», которых в те годы было немало в Западной Европе.

Но есть и третье, вероятно, наиболее верное объяснение.

Конан-Дойль был веселым человеком, склонным к шуткам и мистификациям. Поэтому он решил пошутить над модным увлечением невежд и людей, падких до сенсаций.

Нельзя без смеха рассматривать его «фотографии» призраков и духов. Чего стоит один «учитель фехтования» с шестью руками, присевший на корточки.

Вспомним, что в эти самые годы писался такой иронический рассказ Герберта Уэллса, как «Неопытное привидение», или его острый политический памфлет «Самодержавие мистера Пархема», где «эктоплазма», то есть лучшая сущность героя — профессора истории, живущего памятью о гербах и флагах, отделившаяся от него на спиритическом сеансе, отправляется в Лондон, чтобы совершить фашистский переворот...

Истинное лицо Конан-Дойля-спирита лучше всего открывает нам та посмертная мистификация, которую он совершил.

За много лет до смерти писатель подготовил несколько рассказов спиритического характера и передал их знакомому медиуму. Вскоре после смерти писателя на одном спиритическом сеансе друзьями писателя, убежденными спиритами, была вызвана тень сэра Артура Конан-Дойля.

— Я присутствую здесь,— объявил медиум.

Затем стол начал трещать и вертеться, и медиум продиктовал рассказ, написанный Конан-Дойлем «в царстве духов»...

Незадолго до смерти Конан-Дойль в последний раз встретился с ненавистным ему, хотя и созданным им, Шерлоком Холмсом.

Шло торжественное чествование писателя в день его семидесятилетия.

С большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор многих детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он считал главной заслугой Конан-Дойля создание образа Шерлока Холмса.

Юбиляр выслушал это выступление молча. Но после речи он отвел Эдгара Уоллеса и спросил свистящим шепотом:

— Зачем вы это сказали? Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своем воображении!

Конан-Дойль получал за свои книги очень много денег, но никогда не был богатым человеком. Он был щедр, и деньги, попадавшие в его руки, утекали между пальцев словно вода.

Однако его щедрость иногда носила несколько эксцентрический характер.

Однажды, возвращаясь домой после игры в гольф, он увидел бродягу, сидящего на обочине дороги и рассматривающего свои дырявые башмаки.

— Не подойдут ли вам мои? — вежливо спросил сэр Артур.

Он разулся, отдал свои башмаки изумленному бродяге и отправился дальше босиком.

Конан-Дойль умер в 1930 году, на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг — романов, рассказов, памфлетов. Не

все они художественно равноценны, не все дожили до наших дней.

На могиле Конан-Дойля выгравирована простая эпитафия, написанная им самим:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчиной,
Или мужчине — еще наполовину мальчику.

СОДЕРЖАНИЕ

Хозяин замка «Монте-Кристо»	5
Всемирный путешественник	41
Моряк и охотник с холмов	114
Противник Шерлока Холмса	170
<i>Евгений Рысс.</i> Страна приключений	196

Д О Р О Г И Е Р Е Б Я Т А !

*Отзывы об этой книге издательства
«Детская литература»
присылайте по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для среднего и старшего
возраста

Андреев Кирилл Константинович

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ответственный редактор *М. М. Калакуцкая.*

Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.*

Технический редактор *Т. В. Перцева.*

Корректоры

В. Е. Калинина и Е. И. Щербакова.

Сдано в набор 25/XII 1968 г. Подписано к печати 25/IV 1969 г. Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,52. Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 579. А06161.

Цена 41 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“, Москва, М. Черкасский пер., д. 1.

Отпечатано с матриц Ордена Трудового Красного Знамени фабрики „Детская книга“ № 1 Росполиграфпрома Комитета по печати Совета Министров РСФСР Сортавальской книжной типографией Управления по печати при Совете Министров КАССР, г. Сортавала, Карельская, 42. Заказ 844.

Цена 41 коп.